

Владимир Васильев

**ТЕХНИК
БОЛЬШОГО КИЕВА**

ФЭНТЕЗИ-ОВЕРДРАЙВ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
В19

Большой Киев

Васильев В.

В19 Техник Большого Киева / В. Васильев — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 466 с. — (Большой Киев).

ISBN 978-5-521-73534-1

Странный мир, напоминающий миры мечей и колдовства, но в этом мире роль мечей выполняют ружья и пистолеты, роль верного коня — мотоцикл или джип, мир, где вместо магии — техника. Мир гигантских мегаполисов, где все механические устройства живут своей, независимой жизнью и вовсе не нуждаются в присмотре со стороны живых. Мир, стоящий на грани гибели, где главному герою приходится одновременно и спасти мир, и убить его.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
ВІС FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73534-1

© Александр Рудазов, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020

– Выше! Выше! – закричала Джейн, и дракон вильнул вверх, едва не врезавшись в высоковольтную линию.

Провода задрожали от воздушной волны.

– Почему ты летишь так низко? Почему не поднимешься?

– Мы проходим под их радаром, – проворчал Меланхтон. – Ты когда-нибудь слышала о радарах?

На горизонте выделялся темным пятном драконостроительный завод.

Майкл Суэнвик.

«Дочь железного дракона».

1. Гуальятири — Музкол

Двери подошедшего к перрону поезда с шипением разошлись и Пард ступил на выщербленный край платформы. Из вещей при нем была только маленькая кожаная сумка.

Пард всегда был не слишком привередливым живым. Наверное, потому, что ему приходилось очень много ездить.

«Драконостроительный завод! — подумал он, вспоминая недавнее чтение. — Надо же такое выдумать!»

Книгу Пард оставил в поезде, но запомнил название, чтоб потом как-нибудь найти и дочитать.

Хмурый эльф, изучающий расписание поездов, мельком взглянул на него. Пард прошел мимо, неслышно ступая. Прорезиненная подошва ботинок страстно вжималась в асфальт, словно любила его сильнее всего на свете. Но она любила и мраморные полы, и открытую землю, которой становилось в Большом Киеве все меньше.

Эльф остался на перроне; Пард, забросив сумочку на плечо, спустился на улицу. Поезд убедился, что никто больше не собирается войти или выйти, закрыл

двери, коротко свистнул и тронулся. Путь его лежал дальше, в сторону Ровно и Житомира.

Это был хорошо прирученный поезд, хватило времени убедиться в этом. Пард ехал целых десять часов, с самого юга Большого Киева, оттуда, где гигантский мегаполис выходит кое-где к самому Черному морю.

Внизу, на улице, Пард огляделся. Широкая привокзальная площадь была почти пустой, если не считать нескольких продавцов дорожной еды да празднующегося носильщика. Сколько Пард себя помнил, на всех вокзалах, где ему удалось побывать, вот так же безучастно слонялся одинокий носильщик — чаще всего здоровый черный орк, или ушастый гоблин с мускулистыми руками. Работа носильщику доставалась редко.

Пард свернул налево, ко входу в подземку. Но не спустился, хотя гном у турникетов заметил его даже сквозь прозрачные двери и ждуще потянулся навстречу. Прошел мимо, дальше, к галерее. Поднялся, прошел по галерее, где обитало гулкое эхо. Он продолжал ступать бесшумно, и эхо так и не проснулось.

Спустя десять минут Пард был уже на площади Победы. Справа, за тушей универмага, высилась гостиница «Лыбидь».

Но и тут он не задержался, пересек широкую дорогу, не утруждаясь спуском в подземный переход, и почти сразу свернул налево, во дворы. Старые-старые дома глядели на него подслеповатыми и еще, наверное, стеклянными окнами.

На улице с ржавыми металлическими рельсами в булыжнике Пард огляделся. Рельсов под ногами было четыре. Пард знал для чего они служили и видел такие же неоднократно на юге, и в Николаеве, и в Одессе. Да и на вокзале видел, вдоль перронов, и в метро. Поезда

ходили прямо по этим металлическим нитям, вросшим в землю. Говорят, в Большом Киеве раньше ходили трамваи, уменьшенные копии поездов, но после череды погромов в трамвайных депо и будто бы случайно нашествия желтых рейсовых автобусов из Европы, большинство из которых так и осели в Большом Киеве, трамваи стали большой редкостью.

Улица была тихой и уютной. Все те же маленькие домишки выстроились в неровную шеренгу вдоль дороги. Кое-где виднелись разноцветные вывески. Под одну из них Пард и свернул. Спустился по отполированным до гладкости ступеням и оказался в таверне.

Внутри было сумрачно; рассеянный свет лился всего от двух светильников из десяти. Тяжелые столы льнули к расписанным стенам. Хозяин, дородный человек в фартуке, сразу поспешил навстречу.

— Добрый день, сударь! Чего желаете?

Говорил хозяин вежливо, но не подобострастно, и это Парду понравилось.

— Жилья. Ну, и, понятно, стола на все это время.

— Пожалуйста! Цены у нас внятные, никто не жалуется, и обслуживание на высоте. Как долго вы пробудете в Центре?

— Еще не знаю. Может быть, я здесь останусь навсегда. Я заплачу пока за неделю, ладно?

— Как угодно! Сейчас я приготовлю комнату, а вы садитесь, садитесь, уважаемый.

И в сторону:

— Эй, Гринь! Обед подай посетителю!

И снова Парду:

— У вас будет какой-нибудь специальный заказ? Сегодня у нас отбивные с жареным картофелем и крабовый салат. Ну, и по мелочи всякое...

— Все из консервов? — скорее утвердительно, чем вопросительно уточнил Пард.

Хозяин только руками развел. Мда. В самом деле — ну откуда здесь, в самом Центре Большого Киева свежати́на? Впрочем, здесь ее как раз можно найти, но за такие деньги, что и думать не хотелось.

— Подавайте, — вздохнул Пард. — И отбивные, и мелочи.

Мелочей хватило, чтоб уставить весь стол. Пища оказалась на удивление вкусной — в этой таверне действительно умели готовить. Даже из консервов.

Комнату Парду выделили на третьем этаже. Дальнюю, угловую. Обстановку составляли только изрядно продавленная кровать да колченогий стул. Зато из окна виднелся купол цирка.

Пард не знал что такое «цирк». Просто это здание всегда называли цирком.

Комната Парду понравилась, точно так же как и местная стряпня.

Из второго окна открывался вид на улицу, ту самую, где в булыжник неведомо кто неведомо когда уложил несколько стальных полос. Неведомо с какой целью. Пард лениво поглазел на редких прохожих и повалился на кровать, застеленную коричневым пледом.

Хорошее место. Судер не зря порекомендовал Парду эту таверну, а Пард не зря внял рекомендации Судера. Вряд ли удалось бы найти что-нибудь приличное так близко к Центру и за такие деньги. В «Лыбиди» — пожалуйста, но там комната стоит столько, что лучше и не вспоминать. По карману только богатыям.

Пард не был бедным живым. Скорее, наоборот. Но тратить такие деньги на жилье, какие драли в «Лыбиди», считал пустым расточительством.

Повалившись в уютную ложбину на кровати, Пард расслабился. Сонное настроение всегда нападало на него в тавернах. Особенно после плотного обеда.

Он сам не заметил, как провалился в шаткий дневной сон.

Спустившись к ужину, он нашел таверну наполовину заполненной. Дородный хозяин кивнул ему, словно старому знакомому и сразу крикнул Гриню, чтоб накрывал ужин. Пард устроился за тем же столом, что и в обед. Неподалеку от него сосредоточенно поглощали размороженную индейку два гнома, рыжий и чернявый, оба в кожаных куртках с бляшками. Коротко стриженные бороды поблескивали от жира, а челюсти под мясистыми носами работали с мерностью роторных экскаваторов. Судя по грудке костей в центре стола, это была уже не первая индейка. И пятилитровых бочонков из-под подольского пива рядом с гномами стояло уже два. Третий, еще не опорожненный, пристроился подле индейки. То один гном, то второй подносил к изящному деревянному крану в виде разинувшего пасть дракона объемистую кружку и надавливал на драконий гребень. Струя подольского с клокотанием вырывалась из разинутой пасти, отчего Парду казалось, что несчастный дракон блюет. Интересно, какому умнику пришло в голову делать кран в виде зверя? Пусть даже и несуществующего.

Пард вежливо кивнул гномам, приложив руку к сердцу. Те кивнули в ответ, тоже вполне вежливо и доброжелательно, насколько это можно было сделать с индюшачьей ножкой в зубах.

Ему тоже подали индейку с горошком и сыром. И пиво. Подольское, темное. Такое всегда продавали на Контрактовой площади, у гостиного двора. Сколь-

ко раз Пард с Можаем или Яром сворачивали в знакомую арку, пересекал площадь и оказывались у приземистой пивной с потемневшей вывеской над дубовой дверью: «Старый Подол». На Подоле всегда жило много гномов, на Подоле и под Владимирской горой. И на Печерске еще, где под асфальтом улиц сетью раскинулись такие обширные подземелья, что ахнул бы любой знаток недр, любой техник-спелеолог.

Гномы же присматривали за порядком в метро, заодно взимая плату с пассажиров, хотя особых хлопот наука и техника подземки им не доставляли. Поезда ходили сами, длинные эскалаторы центральных станций тоже действовали сами, как и любая техника в пределах Большого Киева, на станциях шевелились машины-уборщики, и Пард сомневался, что за ними нужен особый надзор.

Машины в Большом Киеве все делали сами. Потому что были частью техники, непостижимой для большинства киевлян вещи, и будь ты хоть гномом из метро, хоть эльфом из Дарницких парков или Голосеевки, хоть гоблином или первым на Оболони виргом, никогда техника не слушает тебя.

Если ты не техник. Если тебе неподвластны формулы.

Пард вздохнул, и принялся за индейку с горошком и сыром. От сытного ужина и крепкого пива его снова начало клонить в сон, а на ночь глядя идти за научным оборудованием Пард не собирался. С утра. Все с утра.

В номер он заказал еще пива, и не слишком сопротивлялся сладкой дремоте, что напознала на сознание. Лень было даже раздеваться.

И еще. Если за ним все же следят — пусть поломают голову над его бездействием.